

Голова кругом от раздумий

Что же случилось со Сюцаем Чу?

В наши дни в деревне Чанси считалось дурным тоном заводить беседу, не упомянув его имени. Впрочем, винить сельчан в излишнем любопытстве не стоило — поведение Чу Цы и впрямь ставило всех в тупик.

Вот уже несколько дней он пропадал на заднем склоне горы, не сводя глаз с бамбуковой рощи. Уходил на рассвете, возвращался лишь к полудню, чтобы перекусить, и снова исчезал в зарослях до самого ужина.

С собой он брал огромную расшитую циновку — путуань. Устроившись на ней посреди стеблей и скрестив ноги, юноша замирал, уставив неподвижный, почти остекленевший взор в зелёную гущу.

Сельчане поначалу лишь посмеивались, но за эти дни едва ли не каждый успел подняться на гору, чтобы поглазеть на это диво. Кое-кто из самых любопытных даже пытался составить ему компанию и просидел рядом больше часа, но так ничего и не понял. Зато внимание гостей привлекла молодая поросль — сочные весенние побеги, едва пробившиеся сквозь землю. В итоге люди возвращались домой с полными корзинами урожая, а Чу Цы на прощание перепала пара-другая ростков, брошенных к его ногам.

Сюцай молча подгробал подношения к себе, решив, что дома они придутся весьма кстати.

Все эти дни он пытался следовать примеру великого мудреца Ван Янмина, практиковавшего «постижение принципов бамбука». И хотя создать собственное философское учение ему пока не удалось, плоды раздумий уже начали созревать.

В своё время Ван Янмин, вдохновившись изречением Чжу Си о «постижении принципов через изучение вещей», целых семь дней и ночей провёл в своём саду. Он жаждал узреть сокрытую в бамбуке истину, но в итоге лишь свалился в горячке. Излечившись, он осознал: мир полон вещей, и если пытаться постичь суть каждой, жизни не хватит. Вместо того чтобы искать ответы вовне, нужно обратиться к собственному сердцу, прислушаться к его голосу и следовать его велениям.

В первый день, сидя в роще, Чу Цы не находил себе места от тревоги.

«До провинциальных экзаменов всего пять месяцев, — грызла его мысль, — к чему я трачу драгоценное время, просиживая здесь штаны?»

Он не раз порывался встать и вернуться к книгам, но силой заставлял себя оставаться на месте. Он понимал: если уйти сейчас, учёба не пойдёт впрок, а лишь усилит съедающее его беспокойство.

Постепенно он научился просто смотреть. На каждый стебель, на каждый лист, на нежную зелень побегов и на золото палой листвы под ногами. Когда налетавший ветерок приносил с собой чистый горный воздух, Чу Цы казалось, что этот поток омывает его душу, унося прочь суету и оставляя лишь звенящую тишину.

Он начал по крупицам восстанавливать в памяти прошлую жизнь. Бешеный ритм современности и вечный шум, окружавший каждого в его былом мире, давно лишили людей способности просто наслаждаться бытием. Оказавшись в древности, он всё ещё цеплялся за привычки человека будущего: даже в учёбе он не мог достичь истинного отрешения, постоянно просчитывая, как эффективнее использовать ресурсы.

«Возможно, пришло время замедлиться, — размышлял он. — Научиться читать без корыстной цели, постигать мудрость книг ради самой мудрости, а не ради того, чтобы выстроить хитроумную стратегию успеха»

Обретя эту ясность, Чу Цы наконец спустился с горы. Он был бесконечно доволен тем покоем, что воцарился в его душе; ему даже чудилось, будто он вот-вот обретёт крылья и вознесётся к небожителям.

Разумеется, если закрыть глаза на огромную циновку под левой мышкой и два грязных побега в правой руке.

— Так нашему сюаю просто захотелось бамбуковых побегов! — судачили встречные крестьяне, добродушно посмеиваясь. В следующие несколько дней к его порогу то и дело приносили свежие ростки.

Глядя на то, как некогда безмятежная роща теперь зияет ямами после набегов односельчан, Чу Цы ощущал острый укол вины. Ван Янмин своим созерцанием довел до болезни лишь себя, он же своей медитацией едва не погубил все бамбуковые заросли. Поистине, грешно вышло.

Впрочем, если бы крестьяне узнали о его терзаниях, они бы лишь рассмеялись в ответ: разве можно пренебрегать дарами природы, особенно когда речь идёт о нежных весенних деликатесах?

На провинциальных экзаменах задачи ставились куда более глубокие и узкие, чем прежде. Это напоминало разделение на гуманитарные и точные науки в старших классах: кандидату предстояло выбрать один из Пятикнижия в качестве профильного — «основного писания» — и приложить все силы, чтобы стать в нём истинным мастером.

Пять лучших знатоков, по одному на каждый канон, именовались Уцзин Куй — лучшими знатоками Пятикнижия. И уже среди них, на основе эссе по Четверокнижию, выбирали лучшего из лучших — цзеюаня.

На выбор предлагались «Книга песен», «Книга истории», «Книга ритуалов», «Книга перемен» и «Вёсны и осени». Однако текст последнего канона был настолько краток, что под его названием обычно изучали свод трёх комментариев: Цзо, Гунъяна и Гуляна.

Прежний владелец тела выбрал своим профилем «Книгу песен». Конфуций когда-то говорил: «Мягкость и искренность — вот плоды учения „Песен“». Суть в том, что о нравах и воспитании народа в стране можно судить по его обычаям. Если люди кротки и честны — значит, таково влияние «Ши цзин». Недаром учитель охарактеризовал этот канон кратко: «В мыслях нет порока». Чистые помыслы и верные принципы — вот его основа.

Прежний Чу Цы действительно унаследовал черты своего рода: он был добр и простодушен, так что «Книга песен» подходила ему идеально.

Нынешний же юноша, хоть и считал свои взгляды на жизнь вполне здоровыми, вынужден был признать: до истинной «кротости и простодушия» ему было далеко как до звёзд.

А значит, изучение «Книги песен» могло стать для него ловушкой. Разница в мировосприятии со временем сделала бы чтение невыносимым, и в попытках «изобразить тигра» он рисковал лишь насмешить окружающих своим нелепым видом.

Однако была одна загвоздка: его наставник, учитель Цинь, был признанным мастером именно «Книги песен». В своё время он даже стал лучшим знатоком этого канона на провинциальных экзаменах, снискав славу и почет. В уездном училище он взял Чу Цы в единственные ученики, заставив многих завистников кусать локти.

Если сиючас вдруг заявит, что бросает прежний канон ради другого, учитель, скорее всего, просто забьёт его палками.

К тому же, даже если наставник даст согласие, нужно было выбрать что-то взамен.

«Мягкие и искренние учат „Песни“, ведающие прошлым и настоящим — „Книгу истории“, проникательные и внимательные — „Книгу перемен“, чинные и почтительные — „Ритуалы“, а искусные в речах — „Вёсны и осени“»

Опираясь на опыт своей семьи из будущего, Чу Цы полагал, что «Почтенная книга» — «Шан шу» — была бы неплохим выбором. В его доме хранилось столько исторических документов, что, почитывая их от скуки, он незаметно для себя накопил изрядный багаж знаний.

Но в глубине души его тянуло к «Вёснам и осеням». В былые времена Конфуций составил этот

канон, и его краткие, но исполненные глубокого смысла слова заставляли трепетать сердца мятежников и предателей. Чу Цы восхищался этим духом бесстрашия и суровой справедливости.

Воин найдёт в «Чуньцю» великий долг, книжник — мудрость и стратегию, а сильный духом лидер — искусство управления.

Можно сказать, что эпоха Вёсен и Осеней заложила фундамент всей последующей культуры; даже авторы «Лунь Юй» и «Дао дэ цзин» были родом из того времени. То был расцвет человеческой мысли, эпоха «соперничества ста школ», подобной которой мир больше не видел.

«В „Книге истории“ меня ждёт короткий путь к успеху, а в „Вёснах и осенях“ — истинная страсть»

Чу Цы готов был взвыть от бессилия: какой же канон избрать своим основным писанием?

Пока в комнате юноша терзал собственные волосы в мучительных раздумьях, у ворот поместья появились гости.

Когда Юй-эра спустили с подножки экипажа, он с любопытством принялся оглядывать двор. Плетёная изгородь служила скорее украшением, чем преградой, позволяя видеть всё, что происходит внутри.

— Братец Юань! — вдруг глаза мальчика радостно вспыхнули. Он узнал фигурку, копошащуюся в куче сена.

Сяо Юань, услышав окрик, недоверчиво обернулся. Ему почудилось, будто этот «прилипала» снова зовёт его по имени. Но из своей ямки он не видел ворот, поэтому, лишь мельком глянув через плечо, вернулся к своему важному делу — поиску яиц.

К домашним курам он питал самые нежные чувства. Он выхаживал их с того самого дня, когда они были лишь крошечными пушистыми комочками, а теперь они выросли и начали нестись.

— Братец Юань! Ты что там делаешь? — ворота были приоткрыты, и Юй-эр, выскользнув из рук управляющего Сюя, пулей влетел во двор.

Мальчик присел на корточки рядом со старшим товарищем, совершенно не замечая, как тот застыл на месте, а его уши, торчащие над курятником, залились пунцовой краской.

— Ты как здесь оказался?! — яростно прошипел Сяо Юань. Мало того что этот незванный гость явился без предупреждения, так он ещё и застал его в такой неподобающей позе!

— Дядя прислал письмо, а там было и для твоего дяди, вот дедушка Сюй нас и привез, — радостно защебетал Юй-эр. Его глаза превратились в весёлые щёлочки, открывая два маленьких жемчужно-белых зубика.

В это время из кухни вышла матушка Чу.

— Сяо Юань, что это за беленький малыш? Кажется, в нашей деревне нет таких пригожих деток.

— Здравствуйте, бабушка Чу! Меня зовут Чжунли Юй, я сокурсник брата Юаня, — Юй-эр старательно сложил пухлые ручки в поклоне, и этот умильный вид мгновенно покорило сердце старой женщины.

— Ох ты, какой вежливый! Ты уже завтракал? Бабушка напекла тонких лепешек, хочешь попробовать? — для пожилых людей лучшим способом выразить симпатию всегда было угощение.

— Почтенная госпожа, простите наше нескромное вторжение, — раздался голос управляющего Сюя у ворот. Как взрослый человек, он не мог позволить себе войти в чужой дом без приглашения.

— Вы, должно быть, дедушка этого малыша? Гости в доме — всегда к радости, проходите же, присаживайтесь. А я кликну сына, чтобы встретил вас как полагается, — матушка Чу знала правила приличия: с ребёнком можно было обойтись просто, но при встрече с незнакомым мужчиной её лет следовало соблюдать дистанцию. Поговорить издали — одно, а принимать гостя в одиночку было бы неловко.

Чу Гуан, получивший во владение новые поля, все эти дни пребывал в радостных трудах. Тем более что староста позволил ему первому воспользоваться деревенским быком, и брат, чувствуя себя как рыба в воде, уходил в поле ещё до рассвета.

Так что дома в этот час был лишь Чу Цы.

Выйдя на порог, он увидел управляющего Сюя. Сяо Юань и Юй-эр уже умчались в дом — уплетать лепешки.

— Не знал, что придут столь дорогие гости, простите, что не встретил у ворот. Надеюсь на ваше понимание, управляющий Сюй.

— Что вы, что вы! Я лишь слуга из поместья Коу, разве могу я зваться дорогим гостем? Скорее уж мы незваные гости, что нарушили ваш покой. Прошу вас, сюдаи Чу, не сердчайте на нас, — улыбнулся управляющий.

Чу Цы знал, что Сюй давно выкупил свою вольную. Если бы не клеймо рабства, закрывавшее путь к экзаменам, он, скорее всего, и сам бы уже носил звание сюэца. Сейчас управляющий владел многими делами и мог бы зажить своим домом, но продолжал называть себя слугой — такая преданность заслуживала уважения. В этом же отражалось и благородство самого господина Коу.

Устроившись во дворе, они обменялись парой фраз, и собеседник поведал о цели визита. В-первых, Юй-эр ужасно соскучился по своему товарищу, а во-вторых, прибыло письмо от Коу Цзина вместе с гостинцами — диковинками из Аньчэна.

Их переписка стала довольно частой: за какой-то месяц они обменялись посланиями уже дважды. Благодарить за это стоило не медлительную государственную почту, а торговые караваны, организованные управляющим Сюем.

Для Чу Цы возможность завести друга по переписке в древнем стиле была в новинку. Он родился на заре девяностых, и к тому времени, как он подрос, телефоны уже прочно вошли в обиход, так что он почти не знал этого трепетного чувства ожидания.

В детстве, роаясь в старых вещах, он случайно наткнулся в деревянном сундуке на пачку писем. Подписаны они были его отцом, а содержание было полно туманных, но пылких признаний в любви. Именно тогда он обнаружил, что его родители, целыми днями пропадавшие в океане науки, когда-то тоже были романтичными и страстными.

Теперь, благодаря общению с Коу Цзином, он мог лучше узнать мир за пределами своего уезда в это время, когда новости распространялись так медленно.

Когда управляющий Сюй увёл детей играть, Чу Цы вернулся в комнату и распечатал конверт.

«Любезный брат Цы, приветствую тебя. Ныне мы переживаем дни великой скорби по государю, словно сами устои небес пошатнулись. Наши сердца полны смятения, посему ответ мой мог запоздать, о чем прошу прощения. Слышал я, что помыслы твои устремлены к высоким экзаменам и мудрость канонов уже прочно запечатлена в твоём разуме, что весьма радует сердце твоего брата... Однако срок близится, и я задаюсь вопросом: сумел ли ты отложить мирские заботы и полностью посвятить себя учению? Искренне желаю тебе занять место в Абрикосовом списке и увидеть свое имя в Золотом реестре столичных вестников. Тогда я непременно прибуду лично, дабы поздравить тебя. Жду ответа с нетерпением. Твой брат Цзин, с почтением»

Этими словами Коу Цзин давал понять, что внеочередные экзамены — Энькэ — в этом году непременно состоятся, и советовал готовиться заранее. Он также выражал заботу об успехах друга и предлагал помощь в разрешении сомнений — всё-таки за плечами у него было звание цзюйжэня. И наконец, намекал, что может быть переведен обратно в Ганьчжоу, иначе как бы он смог прибыть лично?

Чу Цы немного подумал, разложил бумагу, растер тушь и принялся за ответ.

«Почтенный брат Мочжи, пишу тебе, словно вижу пред собой...»

Он решил поведать другу о своих терзаниях. Выбор профильного канона — дело нешуточное, а расспрашивать наставника было неловко. Интересно, какой канон выбрал в своё время сам Коу Цзин? Судя по его характеру, вероятнее всего, это были «Песни» или «Ритуалы».

<http://bllate.org/book/15354/1428220>